

*Посвящаю эту книгу моей маме Майе Васильевне.
Моей жене и моему верному партнеру Люде Коробешко.
Моим детям, которые всегда и во всем меня поддерживают.
И всем моим друзьям, которых я встретил в жизни.
Без вас я бы не состоялся ни как Альпинист, ни как Человек.*

ПРОЛОГ

Из дневника Александра Абрамова
(Тибет, экспедиция на Эверест, 2016 г.)

15 мая 2016 г.

Утро в базовом лагере Эвереста. 5100 метров.

Кашель и стоны. Сморгания и харкания. Сопли и слезы. Прорываемся.

«Экскузимии». Это помощник повара Гюльме разносит чай с молоком по палаткам.

— Где мой чай? Я буду жаловаться. — Это доктор Ларин. Опять его палатку обошли стороной. Тибетцы думают, что он шаман. И боятся его.

Прыг-скок. Хук слева, отскок. Это Провалов вышел на зарядку. Никто не поддержал. Но он не в обиде и прекрасно разговаривает и сам с собой.

Хрум-хрум. Начался завтрак. Передай-ка мне сок. Где мои яйца? Не могу больше видеть кашу... Какие планы на сегодня? Опять туман. Черт!.. Что эти китайцы себе мнят?

Едем вниз. В Магадан. Ну ладно, в город Ташидзонг. В переводе с тибетского означает — «красивая тюрьма». Высота — 4200 метров. Воздух. Дышим.

Дети просят конфет, собаки непрерывно лают.

Обед. Наедаемся в три горла. Еще сверху семечек и арбуза. Сверху плюшку с кофе. Ну все, отвалился. Спать. Еще спать. Но тут — ужин. Встали. Опять голодные. Желудок пуст. Все проскакивает. Снова едим. Снова спим без задних ног. Часов шестнадцать подряд.

Опять утро. Пора наверх. А хочется вниз, к маме. Но... «уплощено». Надо лезть.

И снова базовый лагерь. Снова интервью. Рассказы о прошлых победах. О героях и горах. О шерпах и клиентах. О тоске и ужасе. О смехоте и непонятках. Мотор — поехали!

Сегодня, 15 мая, все это закончится. Сегодня мы выходим на штурм. Ни шагу назад! 20–21-го китайцы провесят веревки. Наверное. И мы залезем на вершину. Наверное. А если нет, то снова ожидание. Снова базовый лагерь. Снова кашель и стоны, и снова ожидание.

Нет. Лучше на Вершину. На простор, на воздух победы!

Вперед. И вверх! Ждите новых прояснений в сознании. Вероятно, 20-го или 21-го.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Осенью 2021 года исполнилось ровно 40 лет с того знаменательного события, когда я, Александр Абрамов, в возрасте 17 лет впервые отправился в поход с альпклубом МЭИ в подмосковный лес. И сжег там свои резиновые сапоги. Так началась моя альпинистская спортивная карьера.

С тех пор я стал мастером спорта СССР по альпинизму, чемпионом СССР по альпинизму. Совершил более 500 восхождений различной категории сложности в десятках стран: Чехословакии, Болгарии, Франции, Швейцарии, Узбекистане, Таджикистане, Киргизии, США, Аргентине, Индонезии, Танзании, Непале, Тибете, Крыме, Гвинее, Аляске, Австралии, Новой Зеландии. Освоил профессию горного гида, стал членом президиума Ассоциации горных гидов России, а также членом Русского географического общества. 10 раз поднимался на высочайшую точку планеты гору Эверест (8848 м). Я первый российский альпинист, трижды выполнивший программу «7 вершин», шестой в мире альпинист, закончивший проект «7 вулканов». Организовал более 500 экспедиций по всему миру. Создал «Клуб 7 вершин», президентом которого я являюсь, — самую крупную в России структуру по организации горных путешествий и экспедиций, узнаваемую во всем мире.

«Вот это да! — воскликнет, скорее всего, потенциальный читатель. — Какой серьезный дяденька! Да еще и в очках, с бородой. Суровый альпинист! К нему, наверное, и приблизиться-то страшновато!»

Я вот думаю: когда ты чем-то занимаешься серьезно, ты должен это делать с юмором. Если человек делает что-то очень серьезное с умным, серьезным видом и с гордостью всем рассказывает о том, какие невероятно серьезные и чрезвычайно профессиональные достижения ему удалось осуществить, — он, вероятнее всего, вызовет обратную реакцию. Ему просто скажут: раз ты такой великий и делаешь такие великие дела, так и иди своим

путем. Зачем нам рассказывать о вещах, которые мы никогда не сможем ни понять, ни сделать, ни повторить.

Поэтому я считаю, что о любом занятии, пусть и самом сложном, можно рассказать простым, доступным языком. И с известной долей самоиронии. Самоирония — вообще полезная штука, она как зеркало души — отражает тебя таким, каков ты и есть на самом деле.

А если серьезно — с горами меня связывает любовь навечно. Это настоящая, реальная любовь. Чем больше я занимаюсь альпинизмом, тем больше мне хочется это делать. Это стопроцентная зависимость. Я работаю в горах, а в отпуск я еду... в горы, только без участников, для себя.

В горы я не налазил. На Эверест еще хочу. Это как художник пишет картины, одну за другой, и ему хочется еще и еще. И так до конца жизни. Ну не может он остановиться! Так и я.

Я, наверное, тоже никогда не остановлюсь. Это же не работа, от которой можно на пенсию сбежать. Это ведь жизнь, а от жизни разве на пенсию сбежишь?

Чем больше я хожу в горы, тем больше убеждаюсь: горы — это легко! И каждый человек, который не поленится и выйдет на утреннюю пробежку (ну, можно и на вечернюю), может и в горы пойти. Потому что горы — они для всех. Это удивительный мир. Ни на что не похожий. Владимир Высоцкий в свое время очень хорошо это выразил:

«Внизу не встретишь, как ни тянись,
За всю свою счастливую жизнь
Десятой доли таких красот и чудес».

Моя жизненная задача заключается в том, чтобы максимальное количество людей привлечь в альпинизм, дать им насладиться тем, что люблю я, показать им, как это классно и круто, привить им любовь к горам и в итоге сделать счастливыми как можно больше людей. И я не только показываю пример того, что можно сделать. Я говорю: ребята, я могу вам помочь, мы можем это сделать вместе!

Потому что горы — это легко!

— Ну хорошо, скажет щепетильный читатель, — а почему именно «Ген высоты»? Что это за «зверь» такой?

Поясню.

В 2015–2016 годах мне посчастливилось принять участие в съемках документального фильма Валдиса Пельша и Кристины Козловой, присоединившихся к очередной экспедиции на Эверест Клуба «7 Вершин». Фильм, снятый в жанре реалити-шоу, был призван показать без прикрас и красивых выдумок все, что

происходит на самом деле с участниками экспедиции во время восхождения на высочайшую вершину нашей планеты. Фильм был назван «Ген высоты, или как пройти на Эверест».

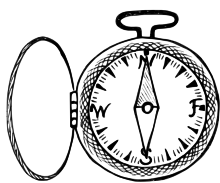
Согласно научным исследованиям, в геноме человека содержится около 20–25 тысяч активных генов. Однако я уверен: в теле человека есть еще один, не учтенный пока наукой ген. Этот тот самый ген высоты. Тот, что заставляет человека неустанно смотреть вверх, снова и снова подниматься в горы, несмотря на трудности и лишения, который сопряжены с этой нетривиальной, порой нелогичной и поначалу не очень понятной многим деятельностью. Не знаю точно, с рождения ли он дается человеку, или развивается позже, но я твердо убежден, что каждый из нас может попробовать его в себе обнаружить. И тогда жизнь его изменится на 100 процентов. Потому что, с моей точки зрения, нет ничего более увлекательного и познавательного, чем восхождение в горы – как с физической, так и с психологической точек зрения.

В своей книге я рассказываю о таких людях. Которые открыли в себе ген высоты и с тех пор не могут жить по-другому. Да и сам я такой же, как и они, и я счастлив, что он нас всех объединяет.

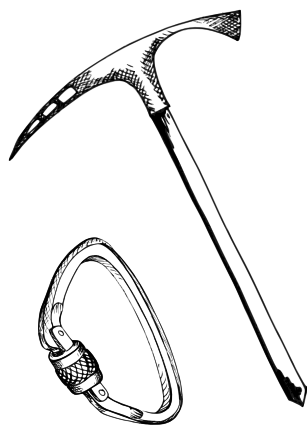
Именно поэтому я решил назвать свою книгу так же, как и фильм – Ген высоты.

Отдельно хочу поблагодарить Анну Рыбакову, с которой мы дружим и ходим в горы уже 20 лет. Которая взяла на себя труд изложить мой запутанный рассказ в стройное изложение.

Ваш Александр Абрамов

**ДЕТСТВО.
ЮНОСТЬ.
ПОСВЯЩЕНИЕ
В АЛЬПИНИСТЫ**

часть первая | 1964–1991 гг.

ВРЕМЯ ИГРАТЬ

Я родился в 1964 году в Москве, на Старой площади, в 500 метрах от Кремля. Моя мама, Майя Васильевна, воспитывала меня одна. Она была инженером, работала на заводе «Динамо», а по совместительству являлась заядлой спортсменкой-любительницей. Мама укрощала свою спортивную страсть занятиями бегом. Даже входила в сборную по бегу в МЭИ и на заводе «Динамо», а в свое время числилась членом сборной по легкой атлетике города Москвы.

С ранних лет каждое утро мама таскала меня с собой на тренировки, невзирая на время года или прогноз погоды. Мне было в ту пору лет пять или шесть, и я, едва продрав глаза, с затуманенным сознанием от глубокого сна, чуть поспеивал за ней. Мама подбадривала меня: «Видишь то дерево — это фашист, нужно до него добежать и уничтожить». И я тащился за ней без особого энтузиазма, добирался еле как до обозначенного дерева-«фашиста», а она мне: «А теперь — во-от до того дерева! Ведь мы — партизаны, а деревья — это фашисты!»

Так мама прививала мне любовь к спорту. Ну если не любовь, то, по крайней мере, привычку. С тех пор я неизменно пробуждаюсь с желанием бежать. Иногда мне удается побороть его, но чаще всего желание побеждает. «Фашисты»-то не дремлют, и мамина школа даром не прошла. Спорт — вещь жесткая. И на одной любви к нему не уехать.

Мама все время ставила передо мной серьезные задачи: я должен расти здоровым и сильным. Должен хорошо учиться. Должен пробиться в жизни, стать кем-то. Кем-то полезным для общества. Быть порядочным и честным. Идем мы с мамой как-

то по улице, а мимо нас пьяный — еле на ногах держится, пошатывается. Она мне говорит: «Видишь, какой он — противный и отвратительный? Вот ты не должен быть таким». Я все запоминал, мотал на ус. Нет, не буду таким. И женщин ни в коем случае бить нельзя — это я тоже от мамы усвоил.

Учился я довольно легко. Не скажу, что был сверхактивным товарищем, но везде успевал. Помню, меня даже комсоргом избрали. «Ботаником» я никогда не был, оценки меня особо не волновали, но я все быстро схватывал на уроке, внимательно слушал учителя, и этого было вполне достаточно, чтобы учиться на твердую «4». В общем, этакий ударник социалистического труда. А вот «домашку» не любил — скучное это дело. Да и на уроке мне все уже рассказали. Зачем на нее время тратить? Тем более когда дома столько всего интересного.

14 томов Джека Лондона, которыми зачитывался до дыр. «Одиссея капитана Блада» Рафаэля Сабатини. «Путешествия и приключения капитана Гаттераса» Жюль Верна про экспедицию на Северный полюс. Мне это безумно интересно было! Я тоже так хотел. Даже разработал собственный маршрут, как я пойду на Северный полюс, где-то там по северам буду бродить. Составил индивидуальный арктический паек, который планировал взять с собой — какао, сало, — по специальной таблице выбирал себе самые калорийные продукты. На уроках географии внимательно изучал карту БАМа. Представлял себе, как я туда отправлюсь. Тогда БАМ — целина была, туда за подвигами ехали. А я — хуже других, что ли?

Детство мое было самым обычным, советским — гуляли с пацанами на улице, баталии устраивали. Я в ту пору в Коломенском жил — в то время это была самая что ни на есть окраина Москвы. Прямо перед нашим домом возвышался свинарник и водонапорная башня, обозначающая конец города. А слева начиналась деревня Коломенское. И к нам — москвичам — приходили оттуда драться деревенские. Мой дом — одна из трех 16-этажек — примыкал к самому парку. Тогда это даже не парк был, а настоящий пустырь — лужи, грязь несусветная. Самое раздолье для настоящих мальчишек. Там мы и давали бои деревенским врагам. Домой приходил покрытый толстым

слоем коричневой глины, коленки разодраны, шапка набекрень, рукава на куртке нет — мама только головой качала. Потом деревню снесли, парк облагородили, проспект Андропова построили, провели станцию метро. И мы стали частью современного городского пейзажа.

В школе я постоянно числился в каких-то спортивных секциях: волейбол, карате, гимнастика, плавание. Это было обязательно. Я же должен был расти здоровым. А у меня с рождения порок сердца выявили, с шести лет постоянно мучил хронический бронхит. По полгода дома сидел. Мне бы, наверное, и не выжить бы с такими диагнозами. Но именно спорт и вытаскивал меня из всего этого дела.

Три года в бассейне «Динамо» — и бронхит мой куда-то пропал. Растворился, видимо, в бассейновой хлорке. Но сказать, что чем-то всерьез увлекался, не могу. Подолгу нигде не задерживался. Мне было интересно пробовать и пробовать, а дальше как пойдет. Однажды, придя на очередную тренировку в бассейн, я увидел объявление о наборе в кружок по литографии. Ух ты, интересно! — сказал я себе. Нужно посмотреть, что там такое. Тренировку пропустил, но маме-то как объяснить? Зашел в туалет, плавки намочил, а дома повесил сушиться. Дело в шляпе, как говорится.

Так я весело и беззаботно продолжал свой марш по кружкам да секциям. На самом деле детство — это и есть пора проб и ошибок: ну нельзя же в пять лет от роду уже точно представлять себе, кем ты будешь. Это уже и не ребенок, а старичок по сути! Я своего сына порой ругаю: что это ты — то одно, то другое — ничего до конца не доводишь? А потом осекаюсь: я и сам такой же был.

Детство — это не время серьезных решений. Настоящее детство должно быть игрой. Если человек не напробовався, не наигрался в детстве, счастливым он уже вряд ли станет.

Но любое детство рано или поздно заканчивается. В 1980 году я поступил в Московский энергетический институт (МЭИ), на факультет электрофизики. Мама сказала мне: «Сынок, это твое будущее». И я с рвением кинулся покорять новые горизонты.

Учился первый год очень хорошо, на одни пятерки. Мне все было интересно, все в новинку. На первом курсе ты еще чувствуешь себя таким недотепой. Вокруг — деловые студенты, в джинсах, с модными дипломатами. А у тебя и джинсов-то нет, и потрепанный допотопный портфель от бабушки достался. Но стараешься соответствовать, стать «своим». Это уже абсолютно другой мир был. Мир взрослых людей.

ПОСВЯЩЕНИЕ В АЛЬПИНИСТЫ

На втором курсе ко мне подошел мой приятель, тоже второкурсник, и сказал: «Тут секция есть альпинизма. Не хочешь попробовать сходить с ними?» И действительно, я прочитал объявление: «Секция альпинизма МЭИ набирает новичков».

Альпинизм, горы... Вспомнился красочный календарь со швейцарскими снежными вершинами, которым мама когда-то украсила стену в нашем домашнем туалете... Я немедленно загорелся, собрал рюкзак. И мы отправились... в поход в ближайшее Подмосковье, в лес. Поставили палатки, развели костер. Почему-то мои резиновые сапоги, в которых я шел, насквозь промокли. Я подвесил их сушиться у костра, и они моментально сгорели. Так состоялось мое первое альпинистское «крещение».

Мне открылась абсолютно новая, ни на что не похожая жизнь. Удивительная общность людей, заряженных одной целью, объединенных общими интересами, настоящих друзей. Глаза их горели, когда они рассказывали невероятные истории о своих путешествиях. Это как в книжках Джека Лондона,

но реальнее, ближе. Мы заночевали в палатке, где уместились три мальчика и две девочки. А места для пятерых едва хватало, и мы переворачивались с боку на бок все вместе по команде. Это было настоящее приключение, сошедшее со страниц моих любимых книг! Мне было 17 лет, и я, наконец, почувствовал, что нашел что-то невероятно стоящее! Я всеми силами души возжелал закрепиться в этой фантастической секции, стать ее неотъемлемой частью. Но оказалось, что это не так просто.

Один из руководителей секции, Максим Онопченко, потомственный альпинист и на тот момент «матерый» третьеразрядник, неспешно подошел ко мне и, окинув меня критическим взглядом, бесцеремонно заключил: «Ты в очках — тебе нечего здесь делать». Он деловито смахнул копну густых волос со своего лица, обнажив классический профиль истинного альпиниста, и мечтательно уставил свои чарующие сине-серые глаза куда-то вдаль, на только ему видимые далекие, сверкающие вершины. Я оторопело взирал на него и безуспешно силился придумать достойный ответ. В конце концов стянул с носа очки и спросил: «А так можно?»

Меня сильно «зацепили» его слова: Я не могу стать альпинистом, потому что... ношу очки! Забегая вперед, хочу отметить, что, уже будучи ведущим гидом страны и общаясь со множеством гидов по всему миру, я и правда нигде не встречал гидов, носящих очки. Видимо, у гидов как-то все хорошо со зрением. Но тогда я подумал: «ничего ж себе — такая интересная компания — ребята, девчонки — и мне нельзя с ними дружить только по причине того, что я в очках? Бред какой-то!» Я раззадорился и пообещал себе: я обязательно всего добьюсь, я буду ходить в горы, я стану альпинистом! Более того — я добьюсь звания мастера спорта по альпинизму! Слова товарища Онопченко обернулись для меня своеобразным катализатором и во многом предопределили мою дальнейшую судьбу. В то время я еще об этом не догадывался. Моим лозунгом на многие годы стало выражение: «Плох тот солдат, который не хочет стать генералом».

Секция альпинизма в МЭИ была в те годы очень мощная, там числилось около 200 человек – от новичков до обладателей первого разряда по альпинизму. Всего разрядов по альпинизму существовало три: третий – самый низший, затем второй и самый высокий – первый. В зависимости от количества восхождений и их уровней сложности альпинистам присваивался тот или иной разряд. Выполнив нормативы первых трех разрядов, можно было дослужиться до кандидата в мастера спорта (КМС), затем стать мастером спорта (МС), а впоследствии и мастером спорта международного класса (МСМК). Вот такая блестящая карьера ожидала человека, вставшего на стезю альпинизма¹.

Первый альпинистский лагерь МЭИ заработал еще летом 1934 года на Домбайской поляне. Руководителем альпинистской секции МЭИ долгое время был Лев Николаевич Пучков, мастер спорта по альпинизму, заслуженный тренер России. Он погиб в 1984 году при восхождении на пик Орджоникидзе на Памире. Из альпсекции МЭИ вышло огромное количество известнейших альпинистов и скалолазов: Лев Алексагин, Александр Глубоков, Лев Дорфман, Николай Черный, Вадим Иванов, Александр Ланге, Алексей Малеинов и др.².

Попад в альпинизм, я все время гадал: ну когда же мне это надоеет и я оттуда уйду. А мне не надоедало. Прошел месяц. Полгода. Год. Я начал всерьез тренироваться, участво-

---

¹ Нормы выполнения тех или иных разрядов (существуют отдельные нормы для мужчин и женщин) можно посмотреть на сайте Федерации альпинизма России (<https://alpfederation.ru/page/demands/>).

² Клуб альпинистов и скалолазов МЭИ до сих пор является одним из самых многочисленных столичных альпклубов. Круглый год тренировки спортсменов по общей физической подготовке проводятся на стадионе «Энергия», скалолазные тренировки – на различных скалодромах Москвы. В рамках клуба действует «Школа альпинизма», где преподаватели ведут занятия по технике и тактике альпинизма, спасательным работам, оказанию первой помощи в горах. Альпклуб МЭИ организует учебно-тренировочные сборы или экспедиции в Крым, Хибины, на Кавказ, Памир, Тянь-Шань, в Альпы.

вать в забегах. Секция альпинизма была вечерней. В шесть часов вечера после учебы все собирались, бегали на стадионе, занимались ОФП, играли в футбол, лазили по турникам, по всему чему можно было, через заборы, бегали вдоль Яузы. Скалодромов в те времена еще не существовало. Участие в секции давало прерогативу получить зачет по физкультуре в институте, так что можно было еще совместить и полезное с приятным.

ПЕРВЫЕ СБОРЫ

После тренировок мы дружной компанией бежали в общежитие, к девчонкам, пили чай, справляли дни рождения, строили планы на будущее, в общем, весело и интересно проводили время. И я все надеялся, что однажды я обязательно попаду в настоящие горы. До 17 лет я никогда даже на море не был. И тут узнаю, что можно поехать в Крым на сборы. Настоящие альпинистские сборы!

Ко мне подошел руководитель скалолазной секции клуба и сказал: «Ну ты такой длинный, в общем, если хочешь, можешь поехать». А в скалолазании раньше ценились высокие люди. Потому что в скалолазании на первом месте скорость числилась. По простым скалам бежали — кто был быстрее, тот и победил. А я как раз неплохо кросс пробежал. Ну и ростом вышел. Люди пониже часто не доставали до зацепок, а здесь бежишь — руки-ноги гребут, и все как надо получается. Это сейчас скалолазание стало более техничным: нужно проходить и нависания, и карнизы — тут другая физическая составляющая нужна. Для таких задач больше низкие люди подходят как более координированные.

Я сильно обрадовался и... стал думать, где взять деньги. За поездку в Крым нужно было заплатить тридцать рублей. У нас с мамой лишних денег не водилось, я учился, и заработать такую сумму было негде.

Стипендия студента в то время составляла сорок рублей, а на нее еще надо было умудриться прожить целый месяц. И тут мне в голову пришел гениальный план – стану донором крови! За один забор в ту пору немалые деньги платили – 15 рублей за 400 мл где-то, да еще и пара отгулов после полагалась. Отгулы мне были еще как нужны, а деньги тем более, а один забор крови составлял ровно половину требуемой суммы. Я сначала сдал из одной руки пол-литра крови, а через два дня, когда поменялась смена врачей, явился повторно и говорю: «Возьмите у меня из левой руки, а то правая побаливает что-то» – «Не проблема, – отвечают врачи». Слили 200 мл, и тут у меня голова закружилась... «Ой, нет, не могу больше». Еле домой доплелся, но зато в кармане – новенькие хрустящие 30 рублей! Но еще нужен был предлог, чтоб пропустить неделю учебы в институте. Я взял пару отгулов, присоединил их к ноябрьским праздникам (на сборы обязательно ездили два раза в году – на ноябрьские и на майские праздники), и у меня образовалось целых девять свободных дней! Это была настоящая победа!

Мы поехали на Ласпи¹, стояли там в палатках. Местные виды совершенно ошеломили меня – ослепительно-синее море, изумрудная южная растительность и скалы – невероятные, разные – на любой вкус и уровень подготовки. В первый свой выезд я так толком и не полазал. Оказалось, что все скалолазы лезят в парах, а мы были вдвоем с еще одним новичком, мало что еще умели, кое-как потренировались...

Вот такой у меня первый «боевой» горный опыт случился. И с тех пор у меня зародилась громадная, всепоглощающая любовь к Крыму. Я остался заниматься в секции, и два раза в год мы обязательно выезжали в Крым – неделю осенью, неделю весной. Совершали скальные восхождения по 500 м.

---

¹ Поселок в Балаклавском районе Севастополя на Южном берегу Крыма.

В общем, это была очень хорошая школа. Настоящая школа альпинизма.

С того момента, как я 40 лет назад оказался в первый раз в Крыму, я побывал там уже больше 50 раз. И до сих пор я не налезил. Крым не надоедает мне никогда. Каждый раз я приезжаю туда между большими экспедициями, на неделю или две. Несмотря на то что к сегодняшнему дню я объездил множество стран, я до сих пор считаю, что Крым – самое красивое место на земле. У крымчан даже такая поговорка есть: жизнь коротка, и прожить ее следует в Крыму.

Сами крымчане почти слез сдержать не могут, когда рассказывают о своем полуострове. Слез восторга, конечно. Поговоришь иной раз с ялтинцами о Ялте – так для них нет лучшего места на земле! И это абсолютный, искренний восторг.

Больше всего меня восхищал сам процесс альпинизма, скалолазания. Провесить веревки, обработать маршрут, взойти на вершину. Вместе со своей командой, с настоящими друзьями. В то время я не задумывался ни об истории альпинизма, ни о его отдельных знаменитых персоналиях вроде братьев Абалаковых¹. Я даже не представлял себе, сколько восьмитысячников на свете существует, да мне все это и не важно было. Меня увлекала эта потрясающая жизнь, здесь и сейчас, невероятная атмосфера, страстные ребята с горящими от восторга глазами, и я среди них – такой же, как они. Мы жили полной, настоящей жизнью. Я был «своим», у нас были общие интересы, у меня появилось множество новых друзей и знакомых.

---

¹ Легендарные братья Виталий и Евгений Абалаковы (30–40-е годы XX века) считаются первопроходцами красноярского альпинизма, да и альпинизма в целом. Некоторыми из их изобретений для альпинизма пользуются до сих пор во всем мире, например, знаменитой «петлей Абалакова», используемой для организации страховки на спуске с ледового склона.

У нас в институте был так называемый сачок¹. На «сачке» всегда альпинисты собирались. Можно было пойти на лекцию, а можно и на «сачок». И все планы дальнейших поездок рождались именно на «сачке». А на Красноказарменной, в Лефортово, на набережной Яузы, стадионе «Энергия» круглогодично проходили ОФП-тренировки. Я постепенно набирался опыта, и мне уже начали поручать тренировать новичков.

Чтобы получить самый низший альпинистский разряд — даже не разряд, а значок альпиниста, нужно было сходить на несложную гору типа 1Б. Сейчас кажется, что это легче легкого. На самом деле, для обретения вожделенного значка нужно было проделать огромный труд. Прежде всего — получить путевку в альплагерь. А чтобы ее получить, ты должен был участвовать во всех без исключения соревнованиях в течение года — в весенних и осенних кроссах, в зимних лыжных соревнованиях. Каждой секции путевки распределяли профсоюзы пропорционально количеству человек, участвовавших в соревнованиях. Не участвуешь в соревнованиях, не получаешь путевку. Ну или получаешь, но по полной стоимости. Полная стоимость составляла шестьдесят рублей, в то время как стипендия равнялась, как я уже говорил, сорока рублям. Можно было, конечно, получить ее и за двадцать рублей, а если ты какой-нибудь выдающийся спортсмен — то даже бесплатно.

Альпинистов в советское время вообще очень любили. Это был спорт настоящих интеллектуалов. Им занимались все научные работни-

---

¹ Не путать с приспособлением для ловли бабочек. «Сачками» назывались специальные места в вузах, где студенты могли... «отдохнуть» от занятий. Прогулять, проще говоря. Это были знаменитые места, и каждый уважающий себя студент вуза просто не мог «пройти мимо» этой обязательной части студенческой жизни.

ки, доктора наук, ректоры. Это был спорт не смелых, отважных и безумных, а спорт цвета советской интеллигенции.

Руководителем первой советской экспедиции на Эверест в 1982 году был не кто иной, как академик Тамм. А старшим тренером – доктор технических наук Овчинников. И это неспроста: альпинист должен был многое знать, многое уметь, очень многое изучить. Альпинист должен был уметь адекватно оценить любую ситуацию и принять наиболее верное решение. И порой на принятие этого решения у него имелось всего лишь несколько секунд. То есть альпинизм как занятие раз этак в десять сложнее горных лыж, например.

В лыжном спорте у тебя есть палки, лыжи, ботинки и горный рельеф. А дальше – твое умение кататься и знание рельефа. В альпинизме ты не только рельеф должен оценить – ты должен знать 50 разных приспособлений, которые ты должен уметь правильно, быстро комбинировать и использовать – карабины, «спусковухи», жумары, репшнуры и прочее¹. Причем делать это ты должен автоматически, не задумываясь, отработав по тысяче раз свои навыки внизу. Потому что на высоте у тебя не будет ни времени, ни сил на то, чтобы поразмыслить над всем этим «хозяйством» и не дай бог использовать не по назначению. А дальше палатки, горелки, кастрюльки – набор выживания в любых условиях, для прохождения маршрутов любой сложности, на любых рельефах – горизонтальных, вер-

---

¹ Карабин необходим для быстрого закрепления или соединения веревок, тросов и других элементов друг к другу. «Спусковуха» (альп. жарг.) – спусковое устройство, которое используется для спуска по веревке по крутому горному склону. Жумар – механический зажим, предназначенный для подъема по вертикальным перилам, то есть по веревке, закрепленной почти вертикально. Репшнур – веревка диаметром 6–8 мм, служит для вспомогательных целей – вязания петель на страховочной станции, изготовления лесенок, схватывающих узлов и т. д.

тикальных, нависающих. И на любых высотах — от 0 м и до 8848 м.

Альпинизму в СССР придавалось огромное значение еще и из-за того, что это был военно-прикладной вид спорта — такой же как стрельба, ориентирование и еще несколько видов дисциплин. И участники таких секций не просто спортом занимались — это была и своеобразная подготовка к боевым действиям на случай войны. Их знания использовали в армии, и если альпинистов призывали, то часто призывали именно в горные районы. Специальной горной военной подготовки тогда не существовало. Она появилась сравнительно недавно, во многом благодаря усилиям ФАР¹, которая очень много потратила на подготовку военных инструкторов-горников. Сейчас они передают свой опыт преемникам.

В 1981 году я получил свою первую путевку на Кавказ, в Приэльбрусье. Мама одобрила мой выбор. Она сказала: «Съезди, это интересно». Мужской вид спорта все-таки, не девчачий, не крестиком, поди, парень вышивает. «Поезжай на Кавказ, — сказала мама, — посмотришь наконец, что такое настоящие горы». Она сама была несколько раз в горах, в Приэльбрусье каталась на лыжах. Мама потом рассказывала, как они утапывали сначала лыжами склон, а потом с него скатывались. Подъемников в то время еще не существовало.

Приехал я оттуда полный впечатлений и невероятных, страшных историй, которые нам инструкторы у костра поведали, и давай их маме практически с порога пересказывать. Вот альпинистка под лавиной погибла, вот там команда шла, сорвалась вся... И так далее. А потом мне снова время ехать настало. Мама загородила собой дверной проем, руки в боки уперла и решительно заявила: «Не пушу!» А я уже в полной амуниции, с упакованным рюкзаком, у меня через час поезд,

---

¹ Федерация альпинизма России — преемник Федерации альпинизма СССР, общероссийская общественная организация, созданная с целью координации работы по развитию альпинизма в нашей стране.

и назад пути ну никак нет. Я поднял маму вместе с моим рюкзаком, вынес ее из дверного проема, юркнул в лифт и был таков. Вдогонку мне неслось прощальное напутствие: «Домой можешь не возвращаться!»

Постепенно альпинизм полностью поглотил меня, начал занимать все мое время и все мои мысли. Я самозабвенно тренировался, ездил на соревнования, а свободное от альпинизма время проводил в общаге и на «сачке», где собирались мои друзья, строились планы, обсуждалось снаряжение... Это была необычайная, захватывающая жизнь! А учеба... учеба была не очень интересна. То есть электрофизика — это, конечно, интересно, но не очень... После каждого моего возвращения домой мама с надеждой спрашивала: «Ну все? Успокоился? Больше никуда не поедешь? Учиться же надо». А я каждый раз с еще большей страстью рвался назад. Потом случилась у меня первая любовь, потом вторая, третья... Какая уж тут учеба?

И вот, наконец, на третьем курсе я «докатился» до двойки на экзамене по физике... Тут-то я себе и сказал: Абрамов — стоп. А я умею себя остановить. Когда это крайне необходимо. Я посчитал, что такой момент настал. И получил-таки диплом электрофизика. А по совместительству еще и вторую специальность приобрел — альпинизм, хоть и не в самом почетном ранге — второй разряд. Зато этот разряд уже позволял ходить в горы в спортивных группах, самостоятельно, без инструктора!

НАЧАЛО РАБОТЫ

РОМАНТИЧЕСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ СОВЕТСКОГО АЛЬПИНИСТА

Альпинизм, положив руку на сердце, я проработал намного глубже основной профессии — перечитал все книги, прошел все курсы, какие только были возможны. У меня всегда на пер-

вом месте альпинизм стоял, а учеба — на почетном, втором. В секции у нас поговорка ходила: «Если альпинизм мешает учебе — бросай... учебу». Потом эта поговорка весьма кстати и на работу переключалась.

Но это не значит, что альпинизм я уже определил как свой единственно возможный жизненный путь. Это, как ни крути, — все-таки хобби, а электрофизика — моя специальность, моя профессия. Мое предопределенное будущее. И как молодой специалист я обязан был отработать три года по специальности в НИИ. По распределению, разумеется. Слава богу, далеко меня не отправили, распределили в Москву, в армию я не загремел. Я начал работать электрофизиком, но все время думал о горах.

В моем НИИ был некий экспериментальный цех, где я в качестве собственных экспериментов заказывал альпинистское снаряжение — пряжки для рюкзаков, крючья, закладки. Раньше никакого альпинистского снаряжения и в помине не было. Сейчас даже в это верится с трудом. Бегали в кедах, олимпийку если какую-нибудь купил с вытянутыми коленями, то ты молодец! А все остальное приходилось шить своими руками. Рюкзаки, куртки, штаны... Карабины чуть ли не вручную изготавливали!

На самом деле все альпинистское снаряжение пришло из морского дела — веревки, карабины, узлы, страховочные устройства — все это изобрели доблестные моряки задолго до нас, альпинистов. Мы ездили в Коломну на канатный завод и покупали рыболовецкую веревку. Чтобы пошить себе куртку или спальник из синтепона, отправлялись в Подольск на карьер и там набирали отходы от Подольской швейной фабрики. Набивали этими обрезками рюкзаки, потом их отбирали, обдирали, раскладывали, распарывали, заново сшивали, делали из них новые куски материала, как лоскутное одеяло, потом из него сами кроили (взял свои джинсы, обрисовал — и вот тебе выкройка!). То есть каждый альпинист снаряжение себе обеспечивал по принципу «сделай сам».

Еще нужно было достать каландр — каландрированный капрон — материал, из которого потом шили всю одежду специ-

альную. Сейчас уже гортекс придумали, а раньше его каландр заменял. Он непродуваемый был, чуть-чуть промокаемый, но легкий материал, как парашютный шелк. Его прокатывали через горячие валики, он чуть заплывался и «дышал», но дырочки не пропускали пух. Стоил этот каландр достаточно дорого – пять рублей метр, а на пуховку нужно было метров пять, то есть 25 рублей выложить. У меня машинка «Зингер» имелась – садишься и вшиваешь туда пух из пуховой подушки, которую ты у бабушки выцыганил.

Раньше сложно было пойти в магазин и купить сразу что хочешь. Нигде ничего попросту не было в свободной продаже. Поэтому те, кто был «в теме», клич бросали: туда-то и туда-то завезли каландр 100 метров – кому? В «Московском» универсаме, в том, что у трех вокзалов до сих пор висится, молнии «выкинули» по метру или 1,20 – кому? Все, побежали! Карабины продавали в спортивном магазине прямо рядом с МЭИ. Приходишь на тренировку, а тебе с порога: Ирбисá завезли! (карабины «Ирбис» – единственные, которые продавались у нас в то время в Москве). Бежишь в магазин, покупаешь три-четыре карабина по четыре рубля с полтиной – маловато, конечно, но и деньги-то не бесконечные. Потом карабины надо было все пометить, а то на сборы съездишь – все перемешается – пойдешь найди потом, какой он там – твой. Ну и все остальное снаряжение тоже шили сами. «Беседки» шили¹. Покупаешь широкую стропу или же в самолетах отрезаешь ремни безопасности. Обычно старались сесть на задний ряд, потом ремни отрезали и «сваливали». А куда деваться-то было? Крючья тоже делали, заказывали на заводах.

Однажды я отправился на зимний Эльбрус. Мама достала мне с завода «Динамо» сварочный шлем, я нашел где-то

---

¹ Альпинистская обвязка, или страховочная «беседка», используется в качестве приспособления для обеспечения безопасности при скалолазании и ледолазании, прикрепляется карабином или специальным узлом к основной веревке. Обвязка обязательна для использования на скалодромах и горных маршрутах, позволяет осуществлять подъем и спуск без риска для жизни и здоровья спортсмена.

телогрейку и пришел к воротнику телогрейки этот шлем. Так у меня капюшон получился. А поскольку телогрейка короткой была, то снизу я себе из синтепона еще и «хвост» приделал. Вот такая зимняя одежда у меня получилась. А варежки, кстати, у меня тоже хорошие были, строительные. Ботинки где-то добыл, «кошки» где-то достал... Вот так мы и ходили.

Часть снаряжения выдавалась в альпинистских лагерях. Деревянные ледорубы, абалаковские кошки – кованые, тяжеленные, на самодельных грубых ремнях. И рюкзак абалаковский, темно-зеленый круглый шар со всех сторон. Его надеваешь, и он на «одном месте» у тебя лежит¹.

Братья Абалаковы вообще очень много снаряжения для альпинизма придумали. Особенно Виталий Абалаков, инженер-изобретатель. В 30-е годы XX века, после восхождения на пик Хан Тенгри (6995 м) на Тянь-Шане, он отморозил себе семь пальцев на руках и занялся разработкой протезов. Ему принадлежит целый ряд ортопедических изобретений.

А когда массовый советский альпинизм достиг своего звездного часа, Виталий начал специализироваться на разработке спортивного и альпинистского снаряжения. Только в этой области ему принадлежало более сотни патентов, и он с успехом внедрял их в массовое промышленное производство. Складывалось впечатление, что в СССР все снаряжение происходило только «от Абалакова»: обвязка Абалакова, спальный мешок Абалакова, ремень Абалакова, крюк Абалакова. Жумаров раньше тоже не существовало, так Виталий изобрел специальный крючковидный зажим для веревки, который пережимал ее в случае срыва – «абалаз» назывался.

Палатки мы тоже сами себе шили. Машинка моя «Зингер» ручная была, а я все мечтал ножную иметь. А так – одной рукой держишь, другой – крутишь. Труда много было. Но это

---

¹ На самом деле автор имеет в виду рюкзак «колобок» (прим. ред.).

захватывало. Это и была подлинная жизнь. Что-то изготавливали, что-то меняли, что-то покупали. Купил, например, 10 карабинов, поменялся с кем-то на ледоруб. И оба довольны.

МАСТЕР СПОРТА

Итак, после окончания института я начал работать по распределению в закрытом НИИ, а вечером отправлялся на тренировку или на скалодром. Работа заканчивалась в 17.00, тренировка начиналась в 18.00, я запрыгивал в метро: пять минут от станции «Спортивная», и я уже мчался на стадион «Энергия».

Мне нравилась моя жизнь. Работа поначалу не слишком мешала моему увлечению, к тому же я всюду пользовался услугами нашей экспериментальной лаборатории по изготовлению альпинистского снаряжения. В общем, совмещал приятное с полезным. Я был очень активным парнем, и меня опять комсоргом избрали. Домой я приходил только поспать, а иногда и вовсе не приходил — общения в альпинизме очень много, и светового дня для этого, увы, не хватало. За что меня мама, конечно же, ругала. Но не так сильно, как раньше. Ведь я уже взрослым стал. С девушками общался и даже с женщинами... альпинистками, конечно.

Кстати, на начальных разрядах девчонок в секции было заведомо больше, чем парней. Девушки — они всегда активнее, хотя бы поначалу. Конечно, возникали отношения, иногда очень серьезные. Но у нас был строгий закон: если с девушкой что-то серьезное завязалось, ты обязан был на ней жениться. Если не женился, то кто-то из вас должен был уйти из секции... Такой непреложный закон благородства существовал. Но у меня еще и собственная установка была, как кремь: не женюсь, пока не стану мастером спорта!

В принципе, конечно, люди ездили знакомиться — это было самое интересное. Большое количество знакомств — близких

и далеких. Когда ты на гору с кем-то сходил в одной команде — возникала необычайная близость. Я помню абсолютно всех, с кем я когда-либо был в горах, любого человека могу вспомнить. Потому что то, что ты пережил там с человеком, останется с тобой навсегда.

Сходил когда-то в горы с кем-нибудь, допустим, из Новосибирска, оказался в этом городе года этак три спустя, спокойно можешь позвонить ему, попроситься переночевать, и обязательно услышишь: «Саня? Конечно, приезжай!» И абсолютно искренне. Потому что иначе и быть не может. Тебе просто не могут отказать. Невозможно услышать: «Нет, ты знаешь, я занят, в этот раз не получится, не обижайся»...

Вообще, когда я любого человека встречаю, то всегда сперва считаю, что он альпинист. Только потом с удивлением понимаю, что, может, и нет.

Альпинисты — это особая общность людей, особая выборка. В альпинизме, как правило, не бывает «плохих» людей. Если ты с человеком пережил какие-то близкие эмоции, сидел с ним у костра, ел одной ложкой из одной миски, спал в одной палатке, ходил в одной связке, он не сможет тебе сказать — «я тебя не знаю, парень».

В другой жизни, отношениях, обществе — это немного по-другому: мало ли что мы с тобой в одном офисе работали, автобусе-такси ехали — ну и что?

В горах это невозможно. Когда ты стоишь достаточно близко между жизнью и смертью, когда ты страхуешь своего напарника, ты понимаешь: вот в этой веревке, зажатой в твоей руке, — его жизнь. И если ты случайно разожмешь

пальцы, он упадет и разобьется. Это ощущение полнейшего доверия между двумя людьми. Даже отождествления. Ты становишься частью этого человека, в какой-то степени «сиамским» близнецом. Разве можно потом отказать самому себе?

Увы, такие случаи бывали, конечно, но крайне редко. Фактически это означало изгнание из «стаи». Это поступок, недостойный альпиниста, и вряд ли с таким человеком еще куда-нибудь пойдешь. Это все понимали. Вот такой своеобразный существовал кодекс альпинизма.

Альпинисты всегда были готовы помочь друг другу. Придешь к кому-нибудь, скажешь: ребят, еда кончилась – не рассчитал, горелка сломалась или еще что-нибудь стряслось – тебе обязательно помогут, даже в мыслях не было, что может быть иначе. Стыдно было даже последний кусок съесть. Такая считалочка была: «Последний кусочек делю пополам, а этот кусочек делю пополам и этот кусочек делю пополам...» и так до бесконечности. Съесть последний кусок – это кошунство какое-то, он и в горло-то не лез, каким бы ты сам голодным ни был. Сейчас жизнь изменилась, такого уже нет.

...На работе в горы меня не отпускали, да и вообще никуда не хотели отпускать. Мне говорили: «Саша, ты молодой специалист, давай ты пойдешь в отпуск не в этом году, а в следующем...» Я очень любил горы, и горы для меня были значительно важнее, чем работа. А мне предлагали прекрасную карьеру, очень четкую и понятную: «Саша, поработай три года, и ты станешь заместителем начальника отдела, еще 3 года – и заведующим лабораторией, диссертацию защитишь – кандидатскую, еще 5 лет потом – и доктором станешь...» Поди, плохой план? Я бы сказал, отличный! Прекрасный план без сучка и задоринки – но для нормального человека. А я-то нормальным не был.

Для меня все это звучало дико, странно. Я никак не мог себе представить – как это я – и не поеду в горы? Это все равно что лишить тебя всего, что есть в твоей жизни светлого

и прекрасного. Как в детской книжке — вместо потерянного счастья петушка на палочке предлагают¹. А я же тренировался — для гор, готовился — для гор, я жил — горами. Я уже рюкзаки пошил, карабины наделал, у меня планы, маршруты разработаны, меня команда ждет! Я им говорю: «Извините, я уже билет купил». Уехал, конечно.

На второй год продолжилось то же самое. Работа начала вступать в конфликт с моим образом жизни. Стало все сложнее отпрашиваться. Я начал подумывать, как бы вообще «свалить» из этого института — раз и навсегда. Но я как раб должен был во что бы то ни стало отработать эти положенные три года.

В последний, третий, год я уже внаглую начал прогуливать работу. А это был почтовый ящик². Чтобы покинуть его стены, я лазил через забор. Или брал под мышку какой-нибудь тубус, шел через проходную: «Я в местную командировку». И был таков. Выскакиваю — и вот она, свобода! На тренировку, в Царицыно, куда угодно! Я начал уже откровенно опаздывать на работу, мне объявляли строгие выговоры, а я им подсказывал лежащее на поверхности решение: так увольте меня — и нет проблем! А мне говорят: «Не положено. Уволить тебя не можем. Будем и дальше ругать». Но мне невмоготу было терять и минуты. Я твердо решил: НЕ ХОЧУ там работать. И точка.

Вообще, я всю жизнь себя вел так, как хотел. Несмотря на строгие рамки советской зарегламентированной действительности. И я поступил так, как подсказывало мне мое нутро: собрал вещи и уехал в Крым. На две недели. Опять лазать. Это был март месяц. Я был уверен: сейчас вернусь, и меня с тре-

---

¹ В. Крапивин. Мушкетер и фея. М., 1978 г.

² В советские времена «почтовыми ящиками» называли предприятия, работавшие на оборонную промышленность. В целях конспирации у таких предприятий не было официальных адресов. Вместо адреса значился лишь номер почтового ящика «п/я № такой-то».

ском уволят! Такой, по сути дела, ужасный проступок никоим образом нельзя спустить с рук!

Приезжаю через две недели, меня вызывает начальник отдела. Вот оно, думаю, мое счастье. Одна подпись под заявлением, и я свободен! Но не тут-то было... Начальник говорит: «Ну что, Саша, набегался? Пиши заявление на отпуск за свой счет и иди, работай дальше». Я просто опешил тогда. Что все это значит? Но решения своего не поменял.

Я не видел себя в роли работника НИИ, каким бы престижным в то время это ни казалось. И перестал ходить на работу. Дело дошло до директора НИИ. Тот сказал: «Да отпустите вы его на все четыре стороны, и дело с концом!» Нормальный, видно, дядька попался, адекватный. В СССР таких людей днем с огнем не сыскать было. А мне повезло. Я наконец стал безработным. Без будущего, без ясных и четких перспектив. Зато свободным. И абсолютно счастливым.

Моя мама, всю жизнь проработавшая инженером и видевшая меня как минимум ученым со степенью не менее доктора наук, тяжело пережила мое увольнение. Да что там — она была в шоке! Будущее ее сына рушилось у нее на глазах. Ее единственный сын абсолютно «подвинулся» на альпинизме, проще говоря, сошел с ума! Нужно было что-то срочно предпринимать. Спасать сына! Мама сказала: «Я пойду в секцию и скажу, чтобы тебя туда больше не пускали». Она действительно имела серьезный разговор с председателем секции, и ей обещали на меня повлиять. Но, видимо, не слишком усердно.

Это был 1988 год. Чтобы иметь какую-нибудь работу — а совсем безработным в ту пору быть не полагалось, — я записался в промышленные альпинисты¹. Но проработал в таком статусе недолго. В то время начали появляться первые хоз-

---

¹ Промышленный альпинист — строитель, который выполняет монтаж, техническое обслуживание и ремонт высотных зданий методом промышленного альпинизма.

расчетные подразделения при комсомольских организациях. То есть комсомольцам дали возможность подзаработать. Вместе со своим приятелем я организовал одну из первых таких организаций при своем бывшем институте. Причем делалось это все очень легко.

Мы подписались в одно из НТТМ¹ и сделали там еще одно подразделение под названием «Альпинистский клуб «Спектр»». И стали зарабатывать. Сначала высотными работами. Затем отчеты, договоры, печати, командировки... Потом я привлек к этому весь отдел, в котором я работал, и отдел начал работать на нас. Мы отдавали им большую часть выручки, а сами пропадали в горах. Я это делал не ради обогащения, но эта деятельность дала мне возможность до 1991 года ходить в горы, ездить на сборы. Шесть-семь месяцев в году я пропадал в горах – на Кавказе, Памире, Тянь-Шане и в итоге достиг первого разряда по альпинизму. Летом 1990 года выполнил норматив КМС (кандидата в мастера спорта) на Кавказе, совершив восхождение на вершину Шхельда² по маршруту Субартовича (категория сложности 6А). Стал двукратным обладателем Кубка Москвы по скалолазанию в виде «трудность» в 1990 и в 1991 годах. Чемпионом Украины по альпинизму в классе малых гор, чемпионом Москвы и таким образом вошел в плеяду сильнейших столичных альпинистов.

В 1991 году мне снова повезло: я попал в команду спортивного клуба Армии № 13 Московского военного округа (13 СКА МВО) под руководством старшего тренера по альпинизму Александра Степановича Демченко, участника команды ЦСКМО по альпинизму, чемпиона СССР, одного из первых мастеров спорта международного класса СССР. Известный лозунг

---

¹ Центры научно-технического творчества молодежи (НТТМ) – типы коммерческих предприятий, работавших в СССР в годы перестройки.

² Горный массив в центральной части Большого Кавказа, в Приэльбрусье, к юго-востоку от Эльбруса, расположен точно на линии российско-грузинской границы.

Демченко звучал так: «Интеллектуала может воспитать только интеллектуал», и по этому принципу он строил всю свою тренерскую работу.

На базе клуба МВО Демченко создал сильную команду. Воспитанниками клуба числились первовосходители на высочайшие вершины мира и чемпионы СССР по альпинизму. Спортсмены СКА МВО неоднократно становились призерами на чемпионатах СССР Вооруженных Сил.

Валерий Розов, знаменитый советский и российский альпинист и бейсджампер¹ мирового уровня, так вспоминал тренировки у Демченко: «Некоторые принципы Степаныча меня очень сильно удивляли, например, восхождение на Эльбрус в качестве акклиматизации перед зимним сбором. Конец февраля – начало марта, приезжаем на Кавказ, в первый же день поднимаемся на Приют (4200 м), на следующий день восхождение (5642 м). Кто не залез – чуть ли не предатель Родины. Шли на Эльбрус из последних сил, кто как может – на коленках, ползком. Если не залез – все решат, что ты плохо тренировался. Степаныча интересовал только результат. Народ спускается никакой, помороженный, а Степаныч начинает выяснять: «Ты кого видел, а где был он?» Сказать, что «был», когда не был, было невозможно, врать Степаныч не позволял и всегда делал свои выводы. Однажды мы приехали под пик Ленина, и Степаныч погнал нас с Луковой поляны (3800 м) сразу на 5300 м. Дошли, конечно, но там все попадали. Вопрос стоял предельно жестко – да или нет: либо ты тянешь, а если нет – в СКА тебе делать нечего»².

Исходя из накопленного опыта поколений армейских альпинистов, в СКА-13 МВО были подготовлены мастера спорта, ставшие знаковыми в советском и российском альпиниз-

---

¹ Бейсджампер (англ. Basejumper) – спортсмен, совершающий прыжки с неподвижных объектов с последующим использованием парашюта для приземления.

² Демченко, Александр Степанович. К 90-летию со дня рождения / [сост. Леонид Мач]. – Москва: Изд-во Игоря Балабанова, 2015.

ме. Это А. Шейнов, В. Володин, Владимир и Валерий Розовы, Е. Тимме. Воспитанник СКА-13 Александр Копылов стал Героем России. Врачи, работавшие на учебно-тренировочных сборах альпинистов СКА-13, И. Ушаков – академик РАН, РАМН, доктор медицинских наук, профессор, генерал-майор медицинской службы запаса, и Ю. Бубеев – заслуженный врач РФ, профессор, руководитель отдела психологии и психофизиологии Государственного научного центра – Института медико-биологических проблем РАН, полковник медицинской службы.

После ухода из жизни А.С. Демченко его спортивные воспитанники создали альпинистский клуб его имени, и он до сих пор является крупнейшим из действующих клубов Москвы.

Я в эту команду попал как вольнонаемный, вернее даже, как «спортАктив»¹ – тогда это так называлось. В команде из шести человек должно было быть как минимум двое военнослужащих, остальные могли быть спортАктивом. Демченко меня уже знал по моим прежним восхождениям и пригласил к себе как КМС.

А буквально через полгода состоялся зимний чемпионат СССР по альпинизму в альплагере Ала-Арча (Кыргызстан). Степаныч сказал мне: «Саш, ты можешь с нами поехать. Ты точно не будешь в основной команде, но поезжай, мы на тебя посмотрим». Я принял решение ехать: такой случай может представиться один раз в жизни. Да и себя показать мне очень хотелось, и на других посмотреть. Команда у нас звездная подобралась... И мне все удавалось.

Я ходил вторым составом, но был забойщиком, всегда на маршрутах лидировал². Удача, видимо, улыбалась мне, видя мое упорство, уверенность и задор. И тут наш первый

---

¹ СпортАктив (сокр.) – спортивный актив страны – молодежное движение, направленное на популяризацию спорта и здорового образа жизни в СССР.

² Лидер – тот, кто лезет на маршрут первым и обрабатывает его.